

Сергей Монастырский

Старый дом на захолустной улице

18+

Сергей Семенович Монастырский

Старый дом на захолустной улице

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66836943

SelfPub; 2021

Аннотация

Дом этот в начале прошлого века построил купец Иннокентий Серебряков. Для долгой и счастливой жизни. Но, пронеслась мимо дома красная конница, поделив эпоху на ту и на эту. В той остался порубленный красноармейцами купец Серебряков, в этой хозяйка дома Наталья Серебрякова. Жизнь действительно была долгой, как и завещал Иннокентий, но счастливой лишь иногда. И прошла в стенах дома судьба ряда поколений.

Сергей Монастырский

Старый дом на захолустной улице

Старый одноэтажный купеческий дом до сих пор стоит на этой улице в тихом центре, разросшегося с тех пор, города. Выдолбленный асфальт блестит после дождя глубокими лужами, в которых с брызгами проваливаются редко проезжающие здесь машины, деревянные заборы тоже зияют дырами сгнивших или выбитых досок. История притаилась за заросшими бурьянами кучами мусора. Словом, и дом, и улочка доживают свой век, вместе с их обитателями, поколения которых сменялись за эти годы. И лишь цветущей весной, одичавший яблоневый сад, помнит о тех славных временах, когда, гуляли по этой улочке, взявшись за руки гимназистки, барышни с книжкой французских стихов сидели на скамейках, искоса взглядывая на молодых щегалей, проходящих мимо, но впрочем, делая вид, что увлечены стихами.

Дом этот, как и церковь, стоящую рядом, и там же расположенное богоугодное заведение для инвалидов, построил купец Иннокентий Серебряков, но не на нажитые тяжким трудом деньги, а на неожиданно свалившееся счастье – выигрышный лотерейный билет.

Церковь – для бога, для города и для отпущения своих

имевшихся, наверное, грехов, дом – для себя, а богоугодное заведение, как доходный бизнес за счет казны.

И было купцу без малого сорок лет. Он уже пять лет, как овдовел, и на купца был совсем не похож – в европейской одежде, с неплохим, но конечно, не университетским образованием, и только борода – лопатой выдавала в его происхождение.

Впрочем, он считал, что она делает его солидным.

В ту весну привел он в этот сад Наташу, только что окончившую женские курсы. И в ее восемнадцать лет, бывшей необыкновенно хорошенькой и начитанной девушкой.

– Вот, Наташа, это все теперь ваше хозяйство, – обвел он руками и дом и сад, а вот и ассигнации для покупок на первое время, – и он вытащил увесистую пачку денег из толстого кошелька.

Наташа тусклым взглядом обвела хозяйство, денег не взяла, словно не заметила, и осталась неподвижно стоять под яблоней посредине двора, как и стояла.

На то были свои причины.

... Год назад она в этом же захолустном городе встретила свою судьбу, свою первую любовь – молодого офицера царской армии, проводившего после училища и перед отправкой на фронт две недели у бабушки, жившей в этом городке, и собственно выраставшей его после смерти родителей.

Две недели сияющего счастья, клятв и обьятий, яблоневых садов встречающих их на каждой улице и планов, пла-

нов, планов.

Две недели, оборвавшие с его отъездом, и ожидания его писем, его отпуска через полгода, когда они поклялись друг другу обвенчаться и навсегда – навеки – принадлежать друг другу!

Письма с фронта были страстные, украшенные собранными в конверт лепестками! Потом пришло еще одно, самое последнее и счастливое:

«Я ранен! Не бойся, легко. После госпиталя меня отправляют для прохождения нестроевой службы, так как для фронтовой службы я считаюсь инвалидом! Еду к тебе! Весь положенный мне отпуск пробудем вместе! Дам телеграмму, встречай!»

В тот день, она оделась особенно нарядно. В тот день родители приготовили особенный обед. В тот день даже солнце сияло по-особенному!

Она стояла на перроне с маленьким, изящным букетиком цветов и в такой же маленькой шляпке. Нет, не стояла! Стоять она не могла. От волнения она ходила взад и вперед по перрону, постоянно уточняя у дежурного, где должен остановиться вагон номер пять?

Пыхтя и выпуская клубы дыма, подошел поезд. Он стоял на станции всего пять минут. Наташа горящими глазами вглядывалась в окна вагона.

Но из вагона никто не вышел. Отчаянно она бегала по перрону, все еще надеясь, что он просто перепутал номер ваго-

на! Но нет. Пыхтя, поезд тронулся. И тут на пустом перроне, после того, как промчался последний, товарный вагон, прицепленный к составу, она увидела какого-то офицера, стоящего в дальнем конце. У ног его лежал большой черный мешок.

... Поезд с фронта ехал четверо суток. И у раненого в ногу Наташиного жениха развилась гангрена. Врача в поезде не было. На вторые сутки офицер скончался. Его зашили в мешок, перегрузили в товарный вагон, и товарищ его, который дал клятву умирающему жениху, доставил тело до указанной станции.

Что было дальше, Наташа помнила слабо. Нет, она не упала в обморок, не бросилась с рыданием на мешок с телом любимого. Она просто стояла, молча, глаза ее были бессмысленными, и только силой удалось ее увезти с перрона.

Всю дальнейшую свою жизнь она плохо понимала. Приняла спокойно и то, что через несколько месяцев, тихо сказала ей мать за вечерним чаем:

– Наташенька, любимого не вернешь. А тебе надо выйти замуж.

– Зачем? – безразлично спросила Наташа.

– Ты же знаешь, в нашем роду и нашей вере такой обычай – младшая сестра не может выйти замуж вперед старшей. И сестренка твоя уже год, как твоей свадьбы ждала!

– Говорите за кого, выйду! – так же безразлично ответила она.

... Так появилась Наташа в саду Иннокентия Серебрякова.

И стала она женой и хозяйкой этого купеческого дома. Но к беде Иннокентия Константиновича, совершенно безучастной ко всему происходящему. Безучастно она отнеслась и к тому, что стала женщиной, понимая лишь, что должна делать то, что должна. Не проронивши, ни единого слова, не издала ни одного вздоха, Иннокентий, вроде как, даже усомнился, девица ли она.

Но время лечит. Иннокентий Константинович очень старался. Не то чтобы он влюбился в Наталью до умопомрачения, но он был человеком очень обстоятельным и справедливо считал, что семья должна быть любящей и счастливой.

По утрам он завтракал непременно с женой, и по ходу чего пересказывал ей новости из-за раскрытого за столом свежего номера газеты. Нежно целовал ее в щеку, перечислял, какие указания она должна дать прислуге по хозяйству. И уходил на базарную площадь, где у него были несколько лавок и складов.

Наташа же шла во флигель, где жила прислуга, молодая, ее лет девушка со своей мамой, выполняющей обязанности кухарки, и плакала, обнявшись с ними по своей несчастной судьбе.

По выходным Иннокентий Константинович любил принимать гостей. Это было действительно весело и очень мило.

Стол был заставлен в большой комнате, а не на кухне, где они обыкновенно трапезничали вдвоем.

На столе было все! И дичь, и свежая астраханская рыба, и копчености, и солености!

Зимой из подвалов доставались собственной рукой обли-тые воском арбузы и дыни, прекрасно хранившиеся в тем-ных, прохладных подвалах.

Гостей обычно бывало человек пятнадцать. Во-первых, родные – семья Наташи и сестра Иннокентия с мужем, ба-тюшка из построенной Иннокентием церкви – отец Виталий с женой – матушкой Марфой. Это из обязательных. Кроме того, время от времени приглашались и другие – из партеров Иннокентия и городских властей.

Обед затягивался до позднего вечера, с разговорами, шут-ками, а иногда и с танцами под клавесин.

– А что это ты, отец Виталий, ни разу детей сюда не при-вел! Пусть бы – полакомились!

– В строгости их надобно держать, в строгости! Все долж-но быть по порядку – сначала учеба, потом работа, а уж по-том лакомство!

– Это что же, когда уже зубы выпадут? – приговаривала сестра Иннокентия. – Какая-то скучная у вас религия, на каждый шесток у вас свой порядок!

– У нас-то что! – весело огрызнулся отец Виталий, – а вот у евреев..., там уж буквально каждый чих расписан! Даже ... ни здесь, – он сделал паузу – а ну-ка, девушки, закройте уши!

Они поспешно закрывали руками уши, а батюшка трагическим голосом сообщал:

– Даже, когда детородное дело делают – все по графику!

– А когда?! – весело смеялась сестра.

– Подслушивать – грех! – ругался батюшка. – Но раз уж ты слышала, то скажу – когда хочешь, но по четвергам обязательно!

Все смеялись и начинали друг у друга спрашивать – у кого, какие планы, на четверг!

... Наташа постепенно оттаяла. Новая жизнь начинала нравиться, новые родственники начали становиться родными, прошлое затягивалось пеленой забвения

Чтобы она меньше скучала, Иннокентий предложил ей заняться делами доходного дома.

Содержание инвалидов и проживаемых, а так же аренду оплачивала власть, а содержать здание и наводить там порядок должны были хозяева.

Делом неожиданно Наташа увлеклась. Она поэтапно, не стесняя постояльцев, провела косметический ремонт. Во дворе дома, до тех пор пустого и пыльного, разбила сквер с лавочками, клумбами, дорожками для прогулок.

– Да ты меня разоришь! – шутил Иннокентий, втайне радуясь за Наташу.

...А детей не было. Не было их у Иннокентия Константиновича и от первой жены, не получалось ничего и от Наташи.

Иннокентий очень старался. Его уже не интересовали ра-

дости секса, от этого занятия он хотел только одного – ребенка! И не одного. Семья без детей была в его понимании какой-то пустышкой. Иннокентий обстоятельно высчитывал какие-то благоприятные дни, без этих дней к жене не прикасался – берег семя. Перед благоприятными днями он неделю не брал в рот никакого спиртного, даже почти не курил. И когда этот день наставал, он также обстоятельно и ритмично работал над Наташей, боясь сделать лишнее движение.

Наталья ему не помогала, потому что сексом она не интересовалась никогда. Для радости секса нужна или любовь, или страстная натура. Ни того, ни другого у Наташи не было.

А ребенка она тоже хотела. Ведь он мог стать ее единственной теперь любовью.

Иннокентий горевал. Все чаще он недоуменно говорил, обводя руками свое хозяйство:

– Кому это все? Мы уже наелись. А это кому оставить?! Работаю, работаю, думаю – это моим поколениям достанется! А где оно?

Наталья иногда ему говорила:

– Да брось ты все это. Давай съездим к морю, или в Италию, как люди нашего достатка ездят, дворяне, например!

– Дворяне не работают! – зло отвечал Иннокентий, а я если хоть на месяц свое хозяйство оставлю – все разворуют, поставки переманят!

– А зачем тебе это? Ведь нам на сто лет хватит!

– Дети будут жить после нас! Они должны это приумно-

жить! А нам в могилах будет спокойно!

... Тогда казалось, что эта жизнь, эта страна, этот купеческий городок будут вечно. И вечно будут стоять их дома, и в них будут жить их счастливые дети, а потом дети детей.

А Италия подождет и море подождет!

Утопал в февральских снегах тысяча девятьсот восемнадцатый год. Их купеческий дом на тихой, почти, непроходимой от заносов маленькой улочке, искрился заснеженной запорошенной крышей, мирно и уютно шел дым из печных труб.

И вдруг вихрем и с гиканьем пронеслась по ней конница с всадниками в коротких зипунах и в папахах перевязанными красными лентами.

Пронеслись и пропали. И сразу же с того конца улицы, куда конница умчалась, послышались выстрелы, стуки прикладов в запертые двери и гортанные крики:

– Выходи, буржуй! Открывай, собака, двери!

Да, началось! Революция была где-то там, толи в Москве, толи еще где-то, а в их захолустном городе, о ней только слышали, ждали, но все думали – авось, пронесет!

Не пронесло!

Иннокентий Константинович, видно, давно подготовился к такому повороту дела.

– Наташа! – громко позвал он. – Собирайся. Беги, пока не пришли. Беги в церковь. Отец Виталий тебя спрячет. Авось

в церковь не посмеют!

– А ты? Бежим вместе!

– Мне нельзя! Дом разворуют, а то не дай бог, сожгут! Я уж как-нибудь здесь, деньгами откуплюсь!

– Я с тобой!

– Нельзя тебе, беги! Солдаты, матросы изнасилуют, к чертовой матери! Беги, потом вернешься, когда утихнет!

И он сунул ей увесистую шкатулку:

– Здесь драгоценности! Отец Виталий спрячет за алтарь!

Беги!

Проваливаясь в сугробы, через дворы Наталья побежала.

– Давай, скорей! – отец Виталий, запер за ней дверь. –

Поднимайся на антресоли и спрячься где-нибудь!

... В дверь забили прикладами.

– Открывай, поп!

Отец Виталий уже был в нарядном облачении. Он открыл дверь, вышел с поднятым крестом и остановил толпу громким криком:

– Гнева божьего не боитесь, ироды! Не я, бог вам воздаст!

На кого замахиваетесь?! На слугу божьего?!

Как ни пьяны и ни революционны были ворвавшиеся, гнева божьего в религиозной еще Руси боялись.

... Рано утром следующего дня Наталья решила вернуться домой.

Дверь дома была распахнута и разбита прикладами. В комнате все было перевернуто вверх дном. И по – середине

нее, в луже уже засохшей крови, лежал мертвый Иннокентий Константинович Серебряков – купец второй гильдии.

Прошло три года. Казалось, ничего не изменилось на этой улочке, да и во всем городке, несмотря на изменения, потрясения, в засыпанной снегом стране.

Все также проезжали редкие, запряженные лошадьми телеги, также бабы спускались с ведрами к редким колонкам, стоящим на каждой улице, открывались по утрам двери в керосиновую лавку.

Но нет!

Слышалось повсюду, невиданное, до сих пор слово «товарищ!», перестали чинно прогуливаться девицы в шляпках и в длинных в пол зимних шубках, не стояли возле полосатых будок усатые полицейские.

Но и все. Все также приходили из Москвы модные журналы и книги с романтическими историями! Все также дворники скребли лопатами снег с булыжных мостовых. Вроде бы и не было изменившей всю жизнь революции и нового революционного порядка, скрытого за глухими стенами учреждений.

Все также стоял заметаемый снегами и купеческий дом на той же тихой улице.

... Заснеженный сад и все более врастающий в землю дом, ничуть не изменился, словно не касался его то затихающий, то завывающий опять ветер перемен. Снести все, что было до

этого. Ту тихую, провинциальную, благоустроенную жизнь с раз и навсегда завоеванным местом под солнцем, с базарной площадью, лавками и складами, прогуливающимися щеголями и выпускницами института благородных девиц.

... Наталья теперь жила в том самом флигеле дома, где раньше находилась прислуга.

Прислуга давно съехала в свою опустошенную деревню. А в доме, во всех его семи комнатах, уже год, как расположилось какое-то управление, неизвестно какими делами, сустились молодые люди в косоворотках и френчах и странные женщины в юбках с красными косынками на головах.

Никого из них Наташа раньше не видела, а может, и видела, просто так они видоизменились в своих кожаных тужурках и юбках со сползающими чулками, что узнать их не было никакой возможности.

Теперь за столами дома стрекотали пишущие машинки, разговаривали, перемежая словами «товарищ!» гортанными голосами, вносились и выносились какие-то мешки.

Время от времени, редко, правда, в дверь ее коморки раздавался стук и нетерпеливый, но беспрекословный голос говорил в дверь:

– Товарищ! Покиньте ненадолго помещение, нам нужно исполнить революционную нужду!

Она выбегала, а в дверь, хихикая, вбегали в кожаных тужурках парень и девушка, а потом уже степенно выходили обратно красные не от стыда, а от исполненной нужды лица-

ми, вежливо благодаря:

– Спасибо, товарищ!

Видимо, в этой конторе революционную нужду справлять все же стеснялись.

... Почти забыт был Иннокентий Константинович, забыл благочинный дом и прежнюю жизнь, но никак, живущая во флигеле его хозяйка, не могла привыкнуть и к новой жизни, так не похожей на то умиротворенное счастье, ради чего были потрачены деньги купца Серебрякова.

... Во флигеле жить было неудобно. Надежда на то, что все вернется, с каждым годом – а прошло их уже три – убывала. Наталья ничего не понимавшая в новых временах, решила отправиться к новым властям.

Власти располагались в здании бывшего городского собрания.

Суета этого здания и цветущая молодость новой власти поразила Наташу. Ей показалось, что она, не смотря на свои двадцать шесть лет, была здесь самая старая.

– Скажите, а где здесь..., – безуспешно спрашивала она пробегающих мимо молодых людей.

Те указывали куда-то рукой и, не объясняя, бежали мимо!

Наконец, возле двери с табличкой «Председатель», Наталья остановилась.

– Входите, гражданка, не задерживайте! – втолкнул ее в дверь какой-то входящий в этот кабинет молодой человек.

Дым коромыслом от папирос стоял в этом кабинете. Ку-

рили все: и мужчины и женщины. И кричали, перекрикивая друг друга тоже все! О чем кричали, Наталья не понимала.

– Что у вас? – наконец, обратил на нее внимание молодой парень в довольно приличном костюме.

– Мне бы начальника.

– Я начальник, – безучастно ответил он.

Наталья поведала о своей беде. Дом отобрали, живет во флигеле, нельзя ли вернуть?!

– Надо изучить.– ответил Геннадий. Так звали ее нового знакомого.

Он действительно был начальником в новой власти, не самый главный, но один из главных. Эту команду молодых, рвавшихся к революционным идеалам молодежи, прислали из центра устанавливать советскую власть в этом захолустном городке.

... Геннадий, как и обещал, пришел на следующий день. Первым делом, он спросил у руководителя этой конторы, чем они занимаются. Оказалось, распределяют поступающее из центра продовольствие.

Из дальнейшего разговора Наталья поняла единственное: бизнес купцов по продовольствию состоял в том, что – кто, сколько, чего и почем возьмет, а стало быть, соответственно, выделяют их покупателям.

Революционный продовольственный бизнес был прямо противоположным: кому, сколько и почем распределять по магазинам. А уж довольны ли покупатели – никто не спра-

шивал.

Геннадий этим не возмутился. Таков, по его мнению, и должен был быть революционный порядок. Однако он быстро соотнес объем распределяемого товара с количеством распределителей и справедливо решил, что распределителей достаточно четырех, вместо двадцати. И перевел изрядно поредевшую контору в другое место.

– А не ваш ли вон тот дом инвалидов? – спросил он у оробевшей враз Натальи.

– Был мой, – нерешительно ответила она.

– А где инвалиды?

– Разбежались, новая власть ведь денег теперь на них не выделяет!

– И не надо, – согласился Геннадий, – нам о здоровых думать нужно, они будут строить Советскую власть! Но мы не грабим! – торжественно объявил он Наталье. – Мы, хотим, чтобы все было по закону. Конечно по нашему, новому, советскому, – и предложил Наталье в обмен на вечное сохранение собственности на дом, подарить городу здание богоугодного дома. Наталья согласилась.

– Мы сделаем там для всех горожан, общественную столовую! – вдохновился Геннадий. – В нашей стране, все должно быть общее – и хозяйство, и все, все, все! Представляете, вместо ненужного труда женщин на кухнях, хождения по магазинам в поисках мяса и вермишели для супа, все будут ходить обедать в городскую столовую! Мы запретим жен-

щинам готовить! Пусть занимаются общественно-полезным трудом! Весь город, как пробьет два часа дня, с заводов и фабрик пойдет в эту столовую.

– А ужинать? – зачем-то спросила Наташа.

– И ужинать! Домой будут приходиться только спать!

Тут Наталья вспомнила, про революционную нужду, с которой в ее коморку просились комсомольцы.

– А что ж, – не усомнился Геннадий, – общим должно стать все! И женщина! – и добавил на всякий случай:

– Если они не возражают, конечно! Мало ли, кто кому неприятен. Заставлять не будем!

– Я возражаю! – На всякий случай, сказала Наташа.

– Вы – из темного прошлого! – объявил Геннадий, – вас надо перевоспитывать!

– Не надо! – возразила Наташа.

– Беру над вами коммунистическое шефство! – не слушая возражений, заявил новый начальник.

– Это как?

– Буду к вам приходиться. И проводить беседы.

– Я против общего справления революционной нужды, возражаю! – напомнила Наталья.

– Я в курсе, – смутно пообещал Геннадий.

... С тех пор, он стал приходиться почти каждый вечер. Нельзя сказать, что Наташе это было неприятно, Геннадий не приставал, оказалось, что был начитан, говорил интересно, а в речах о революции был просто оратор!

Наталья даже как-то стала проникаться его идеями. Они состояли в том, что их поколению выпало великое счастье: покончить с этим скучным и несправедливым миром, и посвятить свою жизнь строительству нового, более справедливого мира, в котором будут жить их дети! А может, еще успеют и они пожить!

Наталья прикидывала, а и в самом деле – старая жизнь была хорошая, но скучная, размеренная, кем-то сделанная для нее и ничего яркого в ней не светило!

А тут: Ломать! Строить! Бороться! Жизнь просто горит! И несется на всех парах!

– А ломать-то зачем? – вдруг усомнилась она.

– А разве можно на старой помойке построить новый дворец?! Сначала нужно снести помойку!

... Через год они поженились.

Дом зажил новой, неизвестной ему жизнью. Купеческий облик архитектуры совершенно не соответствовал теперь той звенящей молодыми голосами, яростными страстями и неумной энергией его обитателей, которые наполняли его содержание.

Дело в том, что Геннадий хоть и мужал с годами, не мог жить тихой семейной жизнью. Дом постоянно был полон гостями, друзьями из их присланной команды, приезжали товарищи из центра, которые, не спрашивая, использовали дом, как гостиницу. Нет, это была для Наташи совсем другая жизнь, чем со степенным и обстоятельным Иннокентием

Константиновичем. Но эта жизнь ей нравилась. Единственно, что не нравилось, это неумное, почти еженощное желание мужа, справлять революционную нужду. И справлял он ее с такой революционной страстью, чтоб его не обижать, приходилось в меру ее способностей стараться. Правда, и любил Геннадий свою жену с такой же революционной страстью. В результате через два года появился сын, а еще через полтора – дочка.

Купеческий дом, совсем к тому времени еще не старый зажил своей домашней жизнью. Снова был ухожен сад, под его деревьями бегали и смеялись дети, в кухне пахло пирогами, которые пекла Маруся, бывшая прислуга, к тому времени вернувшаяся в город из своей далекой деревни, куда она убегала от смутных времен.

Вернулась она с годовалым сыном, которого там нагуляла, и жили они, как и прежде, во флигеле, помогая Наталье по хозяйству.

Зарплаты Геннадия хватало для ведения хозяйства, да и Наталья окончила бухгалтерские курсы и работала у Геннадия в управлении делами.

... Весной улочка утопала в сирени. Так же возле домов желтела мать и мачеха, одуванчики. Хотелось любить!

А Геннадию, с его революционной неумностью, хотелось городского водопровода.

– Представляешь, – жарко говорил он Наталье, – в каждом доме будет вода, ванна, душ! И туалет не на улице, а дома!

И фонтан на центральной площади! И десять бань.

– Построй! – равнодушно сказала Наталья.

– Денег нет, – вздохнул Геннадий, – какие-то копейки из центра дали, их на одну насосную хватит.

Помолчали.

– Наташ! – решил Геннадий, – ты как-то рассказывала о своих драгоценностях. Там сколько, примерно?

– Не знаю, – насторожилась Наталья. – А тебе зачем?

– А вот, что они лежат, и пользы никому не приносят?!

– Принесут, когда надо! – Наталья уже начала догадываться, куда он клонит.

– Никогда не принесут! Сама подумай! Вот что-то надо будет купить, куда ты понесешь свои бриллианты?

– В ломбард!

– Ага! А потом, кто сидит в ломбарде, спросит: откуда камушки? Убила кого, или своровала?

– От мужа, от купца достались!

– Так. А теперь почему не отдала их государству, когда была замена царских денег на новые?

– Две копейки дало бы мне государство! Или вообще бы отобрали.

– Так. А не хотите ли вы поступить за это в тюрьму?

– Да за что, Ген! Что я сделала?

– Уголовное преступление ты сделала. Скрыла от народа свои богатства.

– К чему ты это, Ген? Пойдешь меня в милицию сдавать?

– Нет, Наташа, хочу я тебя спасти и пользу народу принести!

План Геннадия был такой: Наталья несет свои драгоценности в городской комитет. Нашла, мол, в своем купеческом доме, когда разбирала чердак. Раньше о них не знала.

Геннадий вызывает милицию, составляют протокол: о добровольной сдаче драгоценностей для вклада в городское хозяйство. Конечно, есть опасность, что деньги уплывут в центр и городу не достанутся, но тут уж они постараются!

...Две ночи не спала, мучилась Наташа. Даже Геннадию в его революционных домогательствах было отказано.

– Нет, думала она,– невозможно отдать такое богатство! Случись что, по колечку, по сережке через барыг продам, пусть хоть за полцены, но это ж какие деньги! А что, если придет черный день?! А дети?! Ведь это может быть их наследством!

Геннадий вздыхал, но ходил молча. А потом он разразился такой пламенной речью про строительство новой жизни, про то, что сначала надо думать о том, для чего они живут, а живут они для того, чтобы дети их зажили, наконец, в счастливой стране, в которой будет водопровод. И Наталья сдавалась!

Водопровода дом не дождался. Потому что начались уже тридцатые годы. Из домов стали пропадать люди. Городок, как и его дом, вздрагивали по ночам. Потому что пропадали

люди в основном ночью.

Ночью пропал и Геннадий. Пришли и увели. Куда, за-чем, – не сказали.

Дом опустел, замолчал, замолчал и городок.

Как-то незаметно прошло еще три года. Так же тихо стояли на улочке дома, тихо стоял и не совсем еще старый купеческий дом, и только детские голоса во дворе говорили о том, что жизнь идет.

А больше ничего не поменялось в захолустном городке. После ареста Геннадия куда-то рассосалась и его команда, на смену им пришли скучные серые дяденьки во френчах и косоворотках и уже не молоденькие девушки, а пожилые тетки стучали по пишущим машинкам в канцелярии.

Водопровода, конечно, как не было, так и не стало, громадная столовая в здании дома инвалидов просуществовала четыре месяца по причине ее полной не востребоваемости – ну не хотел народ уходить из своих кухонь и сидеть за общим коммунистическим столом.

Теперь в доме жили только двое взрослых – Наталья и ее бывшая прислуга Маруся. Зато комнаты заполняли веселым смехом трое детей, сын Маруси – Васька и двое Натальиных – Света и Володя.

Это была единственная радость среди скучной драматичной жизни. Жить стало трудно. До недавних пор единственным кормильцем был Геннадий, а небольшие Натальины

сбережения давно растаяли.

Дети уже могли одни оставаться дома и ходить в школу вполне самостоятельно, поэтому Наталья устроилась на швейную фабрику в расчетный отдел, а Маруся пошла туда же швеей.

Стало легче. И надо же было Марусе сбиться со столбовой дороги, по которой шел весь Советский народ. Стала она тайком по вечерам шить бюстгальтеры! Сначала для соседок и подруг на фабрике, а потом, народ прослышал об этом, и заказы посыпались, как из рога изобилия.

Бюстгальтеры в стране были дефицитом, а если и были, то самых популярных размеров – второго и третьего. А куда было деваться дамам с пудовыми грудями, или вообще на размер больше, каких в городке было большинство!

Причем каждый заказ приходилось шить по индивидуальной мерке, с примерками и претензиями клиенток!

Жить стало, совсем, хорошо! Пока однажды в дом не постучали. И увезли **Марусю**, как когда-то Геннадия, только не как врага народа, а за хищение социалистической собственности! Хотя какое хищение? Маруся и нитки и материал покупала в магазине

... Ваську, вместе со своими детьми, стала растить Наталья.

А в воздухе между тем запахло войной.

До городка новости, и плохие и хорошие, доходили поздно, и как-то глухо. Но вот и швейную фабрику вдруг переве-

ли на пошив солдатского нательного белья – рубах и кальсон.

... Где-то сгинул, не подав ни единой весточки, Геннадий, отбывала в сибирских лагерях Маруся. Притаился в захлабленном городке купеческий дом.

... Перед самой войной дети окончили школу. Василий тут же поступил в ближайшее военное училище. Володю забрали в армию. Светлана провалилась в медицинское училище и осталась при маме, поступив ученицей швеи на фабрику.

... Дом молчал. И остались в нем опять только две женщины.

Пять долгих лет метели зимой заметали сугробами дом, а весной осыпались на крышу белые лепестки яблонь, а летом стоял сад пустой и дети не бегали между деревьями, выросли дети и ушли на войну. А из дома на фронт, и с фронта домой писались и отправлялись письма.

«У нас, сынок, все хорошо, все по-прежнему. Вот только-то и печаль у нас со Светой, и по тебе и по Ваське нашему. Но мы ему тоже пишем и про твои письма рассказываем. Ты, сынок, не беспокойся за нас, лучше береги себя, война кончится, и опять будем вместе! Немного весной покосился забор, но мы позвали дядю Колю – соседа, и его поправили. Сам же дом стоит, он еще крепкий. Огород не сажали, зачем нам, двум женщинам, огород. Как-нибудь прокормимся.

В городе новостей нет. Да и какие у нас новости? Только

печальные, если кому-то приходит похоронка. Слава богу, на нашу улицу не приходили, так что все, кого ты знал живы.

Господи! Ну, зачем эта война?! Как же хорошо мы жили! Ну, ладно, скоро и война кончится, ты ведь тоже слушаешь сводки информбюро. Наверное, знаешь это лучше нашего.

Держись мой мальчик!

Целуем, твоя мама и сестренка!»

«Здравствуйте, мама и Светлана!

Мы ведем наступательные бои и гоним фрицев с нашей земли!

За меня не беспокойся, я под пули не подставляюсь. Нет, не трушу! Но как учит нас комбат: «Ты Родине живым нужен, а не убитым». Это он сказал по поводу недавнего случая.

Сидим мы в окопах, впереди длинное, пустое, просматриваемое поле. На том его конце – засевшие в окопах фрицы!

С обеих сторон идет обстрел. И вдруг один лейтенант, командир взвода орет:

– Взвод! За мной, в атаку! За Родину! – и выскакивает из окопа в полный рост.

Тут комбат, как заорет:

– Отставить! – и кроет этого лейтенанта матом:

– Ты то, орден захотел получить!? Пулю получишь, ста метров не пройдешь! Тут он и сказал: – ты Родине нужен живым.

Хороший у нас комбат! А лейтенанта с командования ро-

той снял! Так что вы не беспокойтесь – вернусь живым и с победой.

Ваш сын и брат»

«Здравствуй, Светлана!» Тете Наташе, это письмо не читай, оно для тебя. Ей отдельно напишу. Ты мне пишешь только вместе с мамой, тетей Наташей. А я очень хочу, чтобы ты мне писала отдельно. Ну, пожалуйста, хоть иногда.

Ты, же знаешь, я тебя люблю! Ни как сестру, да никакая ты мне и не сестра – просто росли вместе. Ты думаешь, что когда я тебе это сказал, уходя в училище, это была шутка?

Может, тогда это и была шутка. Но теперь, оставшись без тебя, каждый день, понимая, что могу быть убит, я понял, что действительно тебя люблю! Правда, люблю! Очень, очень! И поэтому буду стараться остаться живым, ведь война скоро кончится, и я к тебе приеду. И мы поженимся! Мне ничего больше не надо, только чтобы кончилась война и чтобы ты стала моей женой! Я для тебя сделаю все, все! И ты будешь самой счастливой на свете!

Не отвечай мне прямо сейчас. Давай, скажешь свой ответ при встрече!

Твой Василий»

«Тетя Наташа, здравствуйте!

Рад, что вы со Светланой здоровы и что все у вас хорошо. Да, конечно, плохо, что маме не разрешено писать на фронт из колонии, но мне достаточно почти ваших писем о ней, и

ей, надеюсь, достаточно ваших писем обо мне. Пусть мама не беспокоиться, я же в прямых боях не участвую и под пулями не хожу. У разведроты, которой я командую, другие задачи. Вам похвалюсь, и маме напишите, что получил второй орден. Это большая боевая награда, мама может мной гордиться.

Вы спрашиваете, как я беру в плен немцев? Очень просто – подхожу к нему, делаю козу из двух пальцев, и говорю: «Хэнде Хох!». Он сдаётся и бежит впереди меня в наше расположение!

Всех обнимаю и скучаю!

Ваш Василий»

«Мама не ругайся, пожалуйста! У меня теперь есть невеста. Я ее очень люблю. И она меня. Она тебе обязательно понравится! Зовут ее Рая. Она из роты связи, прикомандированной к нашему батальону. У нее нет родителей, фашисты всех убили. Когда кончится война, мы с Раей приедем в наш дом и поженимся. Мам, она тебе обязательно понравится!

А теперь у меня просьба. Дело в том, что у нее грудь четвертого размера. Не смейся – очень красивая! А на складе больше третьего размера нет. Рая уже два года носит один бюстгальтер. Не могла бы ты по выкройкам тети Маруси – они ведь где-то остались, сшить бюстгальтер и прислать Бандеролью. Бандероль пропустят.

Володя»

«Васька! Привет, дурачок! Про любовь будем говорить потом, возвращайся сначала живым и невредимым!
Твоя сестренка – Света»

«Тетя Наташа и Светланка! Пишу вам из госпиталя. Меня немного ранило. Так, ничего страшного. Но после лечения сказали, что комиссуют. Так что ждите, скоро приеду.

Ваш Василий»

В последний год войны из лагеря вернулась Маруся.

Теперь три женщины жили в стареющем купеческом доме. Да, дом старел, потому что его давно не касались мужские руки, облупливалась и тускнела краска на стенах, отходили и скособочивались резные наличники, да и внутри все слышнее скрипел деревянный пол, и обваливалась местами штукатурка.

Дом не жил. Он ждал наступления жизни, ждал уже выросших и посуровевших на войне детей, ждал, когда большая семья будет собираться за обеденным столом, и уже дети детей будут бегать по яблоневому саду.

... Первым, еще до дня победы, вернулся Васька. Из госпиталя он написал о дне его возвращения.

Трое женщин, укутанные платками от мартовского ветра, стояли на перроне, вглядываясь в каждый проходящий поезд.

Наконец, один из составов, лязгнув сцепленными вагонами, остановился.

На их маленькой станции из вагонов никто не вышел. И только двое проводников одного из дальних вагонов, вынесли и аккуратно поставили на землю что-то, и чемодан.

Маруся первой все поняла и беззвучно сползла на доски перрона, Светлана бросилась ее поднимать. И только Наталья со всех ног помчалась к последнему вагону.

Возле вагона, на досках перрона стоял, нет, сидел, ... нет, просто как-то существовал, на деревянных дощечках покрытых одеялом Васька!

На нем был солдатский ватник, офицерская фуражка и вещмешок с запиской. Рядом стоял чемодан.

Ног по самые бедра у Васьки не было. Наталья, не разглядывая, просто упала на него, сжала в объятия и зарыдала.

Поседевшую в раз, с мутными глазами Марусю подвела Светлана.

Теперь уже рыдали все, сидя на грязном мокром перроне и не выпуская из объятий безногого офицера.

– Простите, – прошептал Васька, – ну, какой уж есть!

– Ты самый красивый, ты самый любимый! – сквозь слезы крикнула ему Светлана.

– Да? А замуж пойдешь?! – чтобы остановить женские слезы, шутил Васька.

...Дом зажил.

Первым делом, с помощью соседей сколотили Ваське ма-

шину для передвижения. Это был ладно сколоченный и покрашенный ящик с невысокими бортами с колесами от детского велосипеда. Васька в кожаных офицерских перчатках мог крутить два передних колеса руками, разъезжая, таким образом, по дому, а потом и по двору, и по улице.

Во-вторых, собрали праздничный стол, за который пригласили ближайших соседей, ведь он был первым фронтовиком с их улицы, вернувшийся с войны.

Васька был центром внимания на этом вечере! Он пел, играл на баяне, веселил шутками, разговорами. Трудно было представить, что этот самый веселый и радостный гость за столом сидит без ног!

О войне Вася не говорил. И не пил. Как не подначивали!
– Нельзя мне, – серьезно объяснял он. – Я инвалид, сопьюсь!

Пользы от Васьки дома оказалось много. Он постоянно что-то пристукивал, прибивал, ремонтировал, а если не мог до чего-то дотянуться, просил помочь. И стал приносить деньги на хозяйство – устроился в тир на радость пацанам, да и взрослым парням!

Потому что не просто выдавал патроны и снимал упавшие фигурки, а разыгрывал целый спектакль. И при удачном попадании орал из-под стойки:

– Гитлер капут!

Пришла весна. Пришел май. Пришла победа.

Это было единственный раз за время существования ти-

хой улочки в центре все такого же захолустного городка. Вся улица была уставлена выставленными из домов столами, накрытыми немудреными закусками. А какие в тот послевоенный год были яства!? Картошка, бутылки с самогоном, молоко и другие домашние напитки, и вся улица, пила и пела, веселились и плясали люди, забыв свои бытовые соседские обиды, обнимались, плакали!

Больше такого на этой улочке не было и не будет никогда!

Васька ездил на своей коляске от стола к столу, он был единственным на этом празднике фронтовиком и ему, конечно, везде наливали, но Светлана неизменно сопровождала его по этому маршруту, решительно отклоняя предложения:

– Не портите мне мужа!

Народ веселился.

– Васька, когда ты напиться успел?

– А женилка у тебя еще работает?

Васька отшучивался:

– Щас как выну, как покажу!

... Вечером, когда они сидели в уже темном саду под звездами, прежде чем разойтись по своим комнатам, Васька осторожно спросил:

– А про мужа, это ты серьезно?

– А ты меня еще любишь? – спросила Светлана.

– Ну, ты же знаешь!

– Тогда, серьезно.

– Из милости?

– Вась, – нежно сказала Светлана, обняла его и прижалась, – мне твои ноги не нужны. Ты мне нужен. Такой, какой есть! Если не испортишься! – весело добавила она.

В эту ночь они впервые легли в постель вместе.

Утром, за накрытым для завтрака столом их напряженно ждали Наталья и Маруся.

Васька, улыбаясь во весь рот, выкатился на коляске. На коленях у него в этой же коляске сидела Светлана.

– Мама и мама, – весело прокричал Васька, – вот так мы теперь вместе будем кататься по жизни!

Решено было, однако, со свадьбой подождать. Дождаться возвращения Володи с невестой. А молодые пусть живут вместе. Нет греха, когда любовь!

... Володю с подругой, однако, пришлось, ждать два года. После Победы отправили вместе с Красной Армией на непонятную войну в Китай, в бывший Харбин, а теперь Порт-Артур. Войны уже и там не было, но часть зачем-то стояла.

Городок оживал после войны. Возвращались уцелевшие фронтовики, но не радостное это было возвращение. Потому что многие были покалечены. А что делать калекам в родном городке, где и здоровым то мужикам негде работать!

Те немногочисленные производства, автобаза и другие мелкие учреждения были закрыты в годы войны за ненужностью. Да так и не открывались.

Пили искалеченные солдаты, дрались, буянили, валялись пьяными посреди своих дворов.

Сбор их обычно был на существующей до сих пор базарной площади, где хозяйки обменивали последние оставшиеся у них вещи на продукты.

Пьяные голоса и мат стоял на площади. Если у кого и были еще не бросившие их жены, то и они боялись сунуться на площадь, чтобы увести своего домой.

Если «свой» и бил по пьяни жену дома, то один, а здесь могли избить всей сворой!

Видел, конечно, раза два Васька эту площадь, но больше туда не ездил, что он мог с ними сделать?!

А в один день площадь очистилась! Присланный из областного центра отряд милиции как-то в раз переловил всех! Бегали и ловили день ночь, кто на костылях, кто на колясках убежал по улицам к своим дворам.

Свозили всех в бывший инвалидный дом, загодя подготовленный под тот же инвалидный дом.

Не сказать, что это было райское царство, но вполне пригодное под жилье. Обслуживающим персоналом там были переведенные сюда, «вертухай» – охранники тюрем и колоний.

Женский состав – повара и медсестры в небольшом количестве – там были привозные.

Условия были такие – если кто-то из родственников забереет, то под строгий приказ, не выпускать за границы своего

забора. Не забирает – остается доживать здесь на вечное поселение.

И в городе стало тихо. Но это была тоскливая тишина.

Вот, так по пустым, почти улицам и поехал через несколько дней Васька к своему тиру. Проехал не долго. На ближайшем перекрестке подошли два милиционера.

– Документ!

Васька показал.

– Тебя что, капитан, приказ не касается?

– Какой приказ?

– Инвалидам в город не выходить!

– Я на работу еду.

– Ничего не знаем! Не выходить!

Красный и злой, с трясущимися руками вернулся Василий домой.

– Свет! – потребовал он, – гимнастерку и награды! – надел офицерскую фуражку, прикрепил два боевых ордена и пять медалей «За взятие...» и поехал.

Везла его в этот раз Светлана, чтобы не задержали.

Подъехали к городской управе. Дальше по ступенькам к лестнице подняться было невозможно.

Светлана вызвала дежурного.

– Мне нужен главный тут у вас, – прокричал Василий.

– Не приемный день!

– Давай заместителя! – рявкнул Василий.

Видимо взгляд на два боевых ордена и рявканье произведе-

ли на дежурного впечатление, потому что он скрылся в дверях и через десять минут появился с каким-то грузным со свинными глазками мужчиной.

– Заведующий социальным отделением, – отрекомендовался тот и без предисловий спросил: – чего бунтуешь?

Васька объяснил. Светлана добавила:

– Человек за Родину ног лишился, а его в инвалидный дом?!

– Ты мне Родиной в глаз не тычь! – видимо, заученно отреагировал заведующий социальным отделом, – тут все такие!

– И ты?! – не выдержав, спросил Василий.

– Я на своем месте Родине был нужен, – вошел в раж заведующий. – А приказ он всех касается – с орденами и без орденов! И никто тебя в инвалидный дом не гонит, сиди себе тихо за забором! И не чего город в дом инвалидов превращать! И смачно добавил:

– Вон у тебя баба, какая! Не знаешь чем с ней заняться? Яйца тоже отрезали? Так я помогу!

Васька рванулся из коляски, но только грохнулся на ступеньки, из носа текла кровь.

Пока Светлана бросилась его поднимать, свиное рыло вместе с дежурным ушло.

... Весь вечер Василий молча, сидел в саду. Светлана не отходила ни на шаг, держала его за руку.

Совсем стемнело. Зашло солнце, обещающее мирный,

счастливым завтрашним день, звезды зажглись и все ярче и ярче разгорались на небе.

– Принеси водки – впервые за вечер произнес Васька.

– Вась! Не надо бы! – запричитала Светлана.

– Неси! – нетерпящим возражения голосом твердо сказал Василий.

Светлана ушла в дом. Она накрыла полотенцем поднос, нарезала хлеб, положила в миску огурцы....

В саду раздался хлопок, похожий на выстрел. Дикий пронзительный крик Маруси, сидевшей на крыльце, пронзил ночную тишину.

Пистолет, положенный офицеру, Васька привез с войны.

Горе черным покрывалом завесило окна стареющего купеческого дома. Не для того строил Иннокентий Константинович этот дом, не для того сажал яблоневый сад, чтобы в доме и саду когда-нибудь в лужах крови лежали трупы и самого Иннокентия и, тех членов его будущей семьи, о которой он мечтал. Дом строили для счастливой жизни.

Счастливая жизнь была. Но как-то частями. Последняя часть семейного счастья наступила через полгода после смерти Васьки.

Вернулся Владимир со своей уже женой и маленьким сыном, родившимся там, в Китае, из-за которого родителей и комиссовали.

Опять зажил дом, опять летом в саду накрывался стол под

яблонями для вечернего чая, опять бегал босиком по мягкой траве малыш, пели женщины, а их было теперь четыре – и были счастливы!

Наступил тысяча девятьсот пятидесятый год.

Какие-то необычно серьезные были лица собравшихся за ужином молодых – Владимира, его жены и Светланочки.

– Мам! Тетя Маруся! – наконец начал разговор Володя, – мы уезжаем!

Наталья ахнула! Маруся от неожиданности уронила вилку.

– Спокойно! – продолжил Владимир, – мы уезжаем на целину! Там будет новый город, много работы и наша новая жизнь!

Наталья заплакала.

– Проходили уже все это, – сказала она сквозь слезы, – и новый город, и новое счастье, и все для детей! И где оно! ...

– Мам, – Владимир подошел к ней и обнял, – ну что нам здесь делать? Работы настоящей нет, городок как был захолустным, так и остался! А страна идет вперед! Растет! А наш сын, что он здесь увидит?!

– А вы – это кто? – внезапно опомнившись, спросила Наталья.

– Мам! Я тоже с ними, – тихо сказала Светлана.

Дом этот на тихой улочке захолустного городка старел. Старели и оставшиеся в нем последние его обитатели –

давно вышедшая на пенсию Наталья, и не молодая, постоянно хворающая Маруся.

Сад дичал. Весной цветы везде укутывали шапками стволы деревьев, сыпали лепестки на траву и дорожки, но яблок уже почти не бывало.

– Маруся! – как-то сказала Наталья, – я скоро умру. Давай перепишем дом на тебя, продашь его, и будут деньги на жизнь, а сама проживешь где-нибудь!

– Зачем мне деньги, – возразила Маруся, – у меня детей нет, а пенсии мне хватит. Оставь своим детям!

Умерла хворающая Маруся. Умерла и Наталья.

Дом, как наследство, достался Владимиру и Светлане. Но когда они вступили в распоряжение, выяснилось, что дом этот зарегистрирован, как памятник архитектуры. И покупателей на такое удовольствие не нашлось.

Дом этот и сейчас стоит на тихой бывшей купеческой улочке провинциального городка.

Врастает в землю. Летом – заросший лопухами, зимой – занесенный сугробами. За наглухо забитыми ставнями бьются, наверное, и не могут вырваться на волю, голоса его бывших обитателей. А ночью дом видит сны о той счастливой спокойной и благополучной жизни своих первых лет, когда мимо окон гуляли барышни в платьях в пол с широкополыми шляпами, держа в руках кружевные зонтики, и щеголи, встречаясь с ними, в приветствии снимали котелки и

подзывали извозчиков. Купцы в поддевках и яловых сапогах спешили на базарную площадь. Трактирчики и харчевни призывно по утрам открывали свои двери. И думалось, что эта жизнь будет всегда!

... Но конница с всадниками в папахах с красными лентами была уже близко...